

ОТ РЕДАКЦИИ

В свое время в том самом месте, над рестораном «София», где располагалась «Юность», по соседству с редакцией существовал журнал «Кот и пес». Постояльцы этих загадочных коридоров, по которым гуляли призраки, переименовали его в «Пьет и кос».

Нету больше ни кота, ни пса. Но разве это повод забыть об этом масонском братстве?!

«Неужто в хождении по земле на двух ногах столько величия, что порода, именуемая человеком, вправе присвоить себе власть над всеми существами, гуляющими на четвереньках, и притом более прочно и устойчиво, чем она?» — рассуждает кот Мурр в сказке Гофмана.

И он прав. Решительно нет никакого величия у существа, именуемого человеком.

Об этом же говорил и кот ученый из сказки Пушкина «Руслан и Людмила». Об этом же говорят герои Анатолия Евгеньевича Баранова, кото-

рые гуляют сами по себе в его замечательных очерках, рассказах и жизни. И что им Бахтин, Брежнев, Микоян?

Эх, да знали бы эти двуногие, что всеми своими достоинствами они обязаны четвероногим!

Анатолий Евгеньевич это хорошо знает. Он любит собак, кошек, потому что любит это хвостатое, шерстяное и четвероногое племя не только на словах, но и на деле.

Он — ветеринар. Доктор Айболит! Можно сказать, ветеринар Кремля — ведь многие из «кремлевских горцев» обращались именно к нему за помощью.

А еще Анатолий Евгеньевич — замечательно добрый человек и писатель. В чем наш внимательный читатель убедится, прочитав его рассказы о собаках, кошках и их знаменитых хозяевах!

Мяу!

Гав!

НОВЕЛЛЫ КРЕМЛЕВСКОГО ВЕТЕРИНАРА

Валидол

(О КОШКЕ М. М. БАХТИНА)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Валидол — лекарство, бесцветная прозрачная маслянистая жидкость с характерным запахом ментола. По своему действию на организм схож с ментолом. Валидол успокаивает центральную нервную систему и обладает рефлекторным сосудорасширяющим действием.

Хроническим больным врачи обычно назначали по 4–6 капель валидола при возникновении резких болей за грудиной в области сердца. Подобное болезненное состояние медики называли стенокардией, которая являлась предвестником инфаркта миокарда с печальным трагическим исходом. Больные при начавшемся приступе стенокардии валидол обычно капали на кусочек сахара-рафинада и держали во рту до полного рассасывания. Боль через несколько минут отступала. Отечественная фармацевтическая промышленность начала семидесятых годов прошлого сто-

летия валидол также выпускала в виде таблеток и желатиновых капсул. Но они по сравнению с жидким валидолом действовали заметно слабее. Надо отметить, что в то время валидол лежал наготове в дамской сумочке или кармане пиджака почти что у всех пожилых людей. Другого аналогичного средства первой помощи при начавшейся боли в сердце тогда еще не изобрели. Миллионам граждан всей земли этот лекарственный препарат не раз спасал жизнь.

Однако у отдельных индивидуумов, чувствительных к ментоловому эфиру изовалериановой кислоты, чем, собственно, и являлся валидол, препарат вызывал ощутимые побочные явления: боль в висках, сильное головокружение, шаткую походку и обильное слезотечение. Так что такие больные стояли порой перед неразрешимым выбором — без валидола страдать от одной только

нестерпимой боли в сердце в ожидании смерти или, приняв аллергенный препарат, обливаясь соленым потом, переживать двойной недуг в мучительном гадании, что быстрее закончится — страшная головная боль с непрерывным слезотечением или сильные боли за грудиной, резко отдающие в лопатку...

* * *

Подобная дилемма перед Михаилом Михайловичем Бахтиным не стояла. Пожилой человек — теоретик искусства, литературовед, философ, писатель, профессор — ученый с мировой известностью, чье имя было занесено впоследствии не только в Большую советскую энциклопедию, при первом же моем визите к заболевшей кошке сообщил мне, что восьмилетняя Киска — не просто очаровательное домашнее животное, а спасительница, полностью заменившая ему валидол, который его изношенный организм по причине нежелательных побочных действий совершенно не переносит. Из-за чудодейственного целительного воздействия на больное сердце, оказываемого Киской в тяжкие минуты приступа стенокардии, он в шутку стал звать ее Валидолом.

— Доктор, мне скоро исполнится восемьдесят лет. Большую часть времени я теперь провожу лежа в кровати. У меня ишемическая болезнь сердца, включая атеросклероз аорты сердца, частые приступы стенокардии, экстрасистолию, брадикардию и прочие нарушения на фоне давнишнего диабета. Многие больные с подобными диагнозами не живут так долго. Считаю, что только благодаря Валидолу так долго я зажился. Когда у меня начинает разыгрываться приступ, я тут же зову Киску. Она, немножко потоптавшись по грудной клетке, ложится ровно на область сердца и начинает громко мурить. Все ее тело вибрирует, создавая особое биополе, которое нормализует расстроенный сердечный ритм и улучшает коронарное кровоснабжение сердечной мышцы. Буквально через несколько минут мне становится необыкновенно легко дышать, а загрудинные боли стихают. Сердце уже не сдавливает тяжелая спазма, артериальное давление приходит в норму. Брадикардию сменяет пульс шестьдесят ударов в минуту. Экстрасистолия, которую я улавливаю по пульсу, пропадает. Но с утра Киска сама не своя. Не ест со вчерашнего дня, а сегодня и воду не пьет. Забилась под мою кровать и не желает выходить на свет... Вылечите ее, доктор, пожалуйста. Этим вы продлите мне, старику, жизнь.

Стоявшая подле нас Леонтина Сергеевна — друг и помощница Михаила Михайловича — легким кивком головы подтвердила им сказанное.

Последнюю фразу хозяин кошки мог бы и не произносить. После того, как он сообщил мне, что кошка является для него спасительницей и к домашней кличке имеет заслуженную приставку Валидол, данный факт в моем мозгу вызвал чувство необычайно обостренной ответственности за здоровье кошки и жизнь тяжело больного человека.

Однако непроизвольно вырвавшаяся у меня реплика прозвучала в довольно сдержанном тоне: — Михаил Михайлович! Мы, ветеринары, стараемся вылечить больное животное не за его заслуги...

Реакции визави на мои слова не последовало.

Осмотр кошки выявил причину недуга — туго напряженный и болезненный живот при жутко переполненном мочевом пузыре. На мой вопрос, когда кошка последний раз испражнялась и мочилась, ответила Леонтина Сергеевна. Сказанное ею полностью подтвердило мое подозрение:

— Кала нет неделю, в лоток Киска не мочилась три дня...

— Доктор! Вы по сравнению со мной, можно сказать, молодой человек, однако у вас манеры врача из далекого средневековья, — неожиданно для меня объявил владелец животного.

— Михаил Михайлович! Это плохо или хорошо?

— Притом что своим конкретным вопросом о моче и кале вы попали в самую цель — это, Анатолий Евгеньевич, очень хорошо. Ведь эскулапы древности, вы, наверное, это сами знаете, здоровье и жизнь больного непременно связывали с его мочой и калом. Данным биологическим субстанциям они отводили ведущую роль для правильного диагноза и прогноза болезни. Именно по моче они определяли, сколько больному оставалось жить на белом свете. Вы, доктор, наверное, встречали в старинных трактатах по медицине оттиски гравюр с изображением врача, держащего на уровне глаз стакан со свежeweыделенной мочой больного и внимательно ее изучающего? — произнес Михаил Михайлович, слегка приподнимаясь над подушками.

— Доктор! Не смерть ли мне предвещает цвет мочи моей? — внезапно с нужной интонацией в голосе продекламировал я неизвестно откуда всплывший в моей памяти столь жизненно важный вопрос больного, обращенный к лечащему врачу, этим самым продолжая и как бы дополняя тему, начатую моим гениальным собеседником.

От услышанного Михаила Михайловича резко встрепенулся. Мне даже показалось, что он испытал желание вскочить с постели, но что-то его вовремя удержало от этой опрометчивой затеи. Его глаза радостно округлились. В них легко угадывались проснувшийся задор, неподдельное удивление и любопытство... Тут же мне подумалось, что вот-вот сейчас он спросит меня об авторе этих

строк. К своему великому стыду, его я на тот момент не помнил. Только смутно догадывался, что это изречение почерпнул из какого-то литературного источника, когда готовился к кандидатскому экзамену по философии. Кровь в моей черепной коробке кипела от перенапряженной работы сразу двух полушарий головного мозга, который неистово силился вспомнить, из какого же научного труда эти строки перекочевали в мое подсознание и были там надолго забыты. И вдруг... К своему собственному удивлению, я, словно студент на экзамене, чувствуя всем нутром, что требовательный преподаватель вот-вот задаст мне вопрос, от которого не отвертеться, набравшись нахальства, на одном дыхании бойко выпалил:

— Рабле...

Вдохнув очередную порцию воздуха, правда, менее увереннее, добавил:

— Михаил Михайлович Бахтин, «Материально-телесный низ в творчестве Франсуа Рабле»...

Как мне показалось, своим ответом профессора я сразил наповал. На его морщинистом лице заиграла доброжелательная улыбка. Он что-то хотел сказать, но передумал... В то же время, отчетливо сознавая свои наислабейшие познания в филологии, я понимал, что в дальнейшей беседе со столь великим столпом мировой филологической науки и философии мне ни в коем случае не следует не только углубляться в их дебри — мне нельзя даже приближаться к этому дремучему для меня лесу. И ничего не придумав лучшего, как вовремя спрятаться за свою врачебную профессию, вернее, за цель своего визита, чтобы не дать возможность Михаилу Михайловичу задавать мне какие-либо вопросы, особенно по филологической тематике, я подхватил кошку на руки, пред-

варительно подстелив под нее вчетверо сложенную простыню, и всецело занялся ее лечением.

Но если бы все это я проделывал молча... Как говорится в русской поговорке, молчал бы и тогда сошел за умного. Но нет... Меня почему-то понесло, причем именно в дебри бахтинского филологического анализа литературного творчества Франсуа Рабле:

— А теперь, наша маленькая мурена, займемся твоим материально-телесным низом... — И, сам того не замечая, подражая Франсуа Рабле, выдал экспромт: — Мочи и кала нет три дня, но это было до меня...

Ветеринарный врач к Киске пришел, телесный низ обмяк, и кал — пошел...

Конечно же, я гиперболизировал свои врачебные возможности. Кал так сразу, даже при всем моем желании, пойти не мог. Тем более без постановки хотя бы очистительной клизмы. Но вот моча...

Мои пальцы попеременно массировали то область толстого кишечника и прямой кишки, то область тугого мочевого пузыря, как бы лаская его, добиваясь расслабления мышц, затем надавливая на его упругие стенки. Минута, вторая, третья, четвертая, пятая... На восьмой минуте массажа мочевого пузыря сдался. Белоснежная простыня стала быстро пропитываться мочой, тяжелеть и обширно коричневеть у всех на глазах. Комната сразу наполнилась специфическим запахом застоявшегося кошачьего экскрета. Какое счастье, что я догадался под простыню подложить клеенку, и мои цивильные брюки остались сухими. Из Кискиного материально-телесного низа вылилось не менее полуплитра зловонной жидкости.

На радость всем больная кошка сразу повеселела. Прыгнув с моих колен на постель к любимому хозяину, она стала наводить у себя порядок. Ее порозовевший шершавый язычок интенсивно работал в паху, пытаясь таким образом избавиться испачканную шерстку от исходящего дурного запаха, к которому она отнеслась весьма и весьма брезгливо.

— Я уже писал об этом в своей работе, но сейчас скажу вам, Анатолий Евгеньевич, что Гиппократ был несомненно прав, когда метко называл врача «подобным богу» и сравнивал врачебную практику с фарсом и битвой, в которой принимают участие три действующих лица: больной, врач и болезнь. Вы, доктор, с какой кажущейся, на пер-

вый взгляд, легокостю сразились с кошkinой болезнью, — вдохновенно начал Михаил Михайлович, входя в привычный ему образ профессора при чтении лекции студентам высшего учебного заведения.

Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

— А чего только стоит ваша театральная наигранность? С каким артистизмом вы процитировали Рабле — произнесли вопрос больного доктору... вы создали образ умирающего, который еще не потерял надежду на исцеление... А когда Леонтина Сергеевна, принеся простыню, которую вы просили, поинтересовалась, зачем вы подложили под нее клеенку, вы, улыбаясь, без запинки и не моргнув глазом, серьезной интонацией голоса ответили: чтобы Киска не поцарапала ноги... И мы, нисколько в этом не сомневаясь, поверили вам — когти-то у нее действительно длиннющие и острые, словно кинжалы из дамасской стали. Одним словом, как у Рабле — сплетение ветеринарной медицины и искусства.

После непродолжительной паузы, сделанной для отдыха, Михаил Михайлович обратился ко мне с вопросом, который совершенно не относился к филологии, отчего у меня сразу отлегло от сердца:

— А что вы, милейший доктор, скажете о лабораторном исследовании мочи и о причине ее столь длительной задержки?

— Первая часть вашего вопроса, Михаил Михайлович, для меня сложна. Ведь залитую мочой простыню на анализ в ветеринарную лабораторию не отнесешь по причине того, что мочу в таком виде даже от меня не примут. Врачам-лаборантам мочу в стеклянной таре подавай — согласно действующим правилам. Конечно, я мог бы сейчас простыню отжать в лоток, а мочу слить в банку... Но это мало что нам даст. Сильно накрахмаленная простыня, к тому же стиранная в городской прачечной, несет на себе слишком много остатков химических элементов — стиральной соды, порошка и другой всякой всячины. Результат анализа окажется просто шокирующим. Лаборанты в тревоге схватятся за голову, а когда им станет известна причина подобных шокирующих показателей, они мне этого в жизни не простят. Среди моих московских коллег тут же пронесется волна смеха, и пойдут анекдоты. Все же, Михаил Михайлович, отвечая на ваш первый вопрос, скажу одним словом — моча как моча. Следов крови, каких-либо хлопьев, сгустков и запаха ацетона, указывающих на нездоровье Киски, нет. Что же касается своеобразного крепкого аромата, ничего патологического в этом я тоже не вижу — так обычно пахнет моча, выдержанная в тепле материально-телесного низа трое суток. Несмотря на излившуюся

столь концентрированную и застаивающуюся темную мочу, Киска будет жить и жить, — чисто машинально, опять по Рабле, закончил я сказ про характеристику жидкой биологической субстанции, коей являлась трехсуточная моча Киски.

Переходя ко второй части вопроса в отношении причины задержки мочеиспускания, думаю, что вина полностью лежит на прямой кишке, забитой твердым, жестким, точнее сказать, колючим калом в результате запора. Отсутствие у кошки дефекации в течение семи дней — это длительный запор. Вот сильная боль, появившаяся в толстом кишечнике, и вызвала рефлекторный спазм сфинктера мочевого пузыря. Далее все просто: коли кишечник, или по Рабле, «требуха телесного низа», оказался на некоторое время не в порядке, то именно в нем самом кроется причина полного отсутствия у кошки аппетита и затем отказ от питья. Тем более когда нет опорожнения мочевого пузыря...

— Да, Франсуа Рабле был, несомненно, прав, отмечая, что внутренности и кишки тесно связаны с испражнениями и калом в частности. Да и вообще жизнь, смерть, рождение, мочеиспускание, испражнение, еда — у него это сплошной гротескный узел; это — центр телесной топографии, когда низ и верх плавно переходят друг в друга. «Качели» гротескного биологического реализма... Игра верха с низом, когда они в этом образе великолепно и динамично раскачиваются; верх и низ человека и животного, земля и небо плавно сливаются. Все это, Анатолий Евгеньевич, есть подтверждение вашего правильного врачебного суждения о причине отсутствия у Киски аппетита и вообще ее плохого самочувствия, — добавил Михаил Михайлович, устало откидываясь на подушку, поправленную ему под спиной заботливой Леонтиной Сергеевной.

Я же, запустив руку в свой объемный саквояж, на ощупь отыскивал нужное мне лекарство под шуточный диалог с кошкой:

— Сейчас мы, дорогая Киска, как говорил Гиппократ, будем биться с твоим запором. Однако это дело не легкое и скорое. Во-первых, тебя придется фиксировать, после чего насильно из чайной ложечки поить маслом. К тому же недельный запор за один раз не ликвидируешь. Потребуется два или три сражения. Лечение твоего больного кишечника или избавление его от скопившегося кала начнем сразу, не откладывая. — Я извлек из недр саквояжа небольшой флакон с прозрачной жидкостью с наклеенной на нем аптечной этикеткой с надписью «Вазелиновое масло».

В тот же момент мудрая Киска, до этого спокойно выслушивающая мое обращение, почувствовав что-то нехорошее и не желая принимать

участие в битве врача с ее запором, стремительно дала деру. Но на этот раз она ошиблась в выбранном направлении, помчавшись не под кровать в свое излюбленное убежище, а в кухню, где ни одного укромного местечка для нее не нашлось. Однако это пошло ей только на пользу. Видя затравленный взгляд доброй Киски, мое желание насильно напоить ее маслом сразу исчезло. Наполнив маленькое блюдо вазелиновым маслом, я любезно предложил его своей несговорчивой пациентке. Неожиданно для меня Киска принялась его лакать, сначала вяло, без особого энтузиазма, затем все охотнее и охотнее. После того, как все масло было выпито, животное укоризненно смотрело на меня умными глазами, в которых без труда прочитывалось: «О чем Гиппократ забыл упомянуть, Рабле не сказал, а мой хозяин Бахтин не указал в своей работе — так это о помощи самого больного врачу. Вот видишь, доктор, я посильно оказываю тебе помощь биться с моей болезнью за кал, застрявший в моей утробе и нежелающий ее покидать... Поэтому каких-либо насильственных действий со мной, так называемой битвы, в примитивном понимании скотского врача, совсем не потребовалось».

О том, что кошка охотно и самостоятельно вылакала вазелиновое масло, Леонтина Сергеевна радостно доложила хозяину животного. Я же, в свою очередь, довел до его сведения все слова Киски, пообещав, что к вечеру она должна немного повеселеть. На что Михаил Михайлович, высказав мне слова благодарности, констатировал, что мы с Киской придали ему сил и зарядили мощной энергией. И что теперь он уже не тревожится за жизнь своей спасительницы. Вот на этой оптимистической ноте я покинул дом Михаила Михайловича, твердо заверив его, что завтра навещу Киску в это же самое время и продолжу начатое лечение.

Вчерашний заряд бодрости у Михаила Михайловича еще не прошел. Он находился в хорошем расположении духа. И у него в гостях был знаменитый режиссер гремевшего на всю Москву Театра имени Моссовета — Юрий Александрович Завадский. Как только я вошел в комнату, Юрий Александрович, сидевший на стуле подле Михаила Михайловича, бодро поднялся и, подойдя ко мне, подал руку, представившись:

— Юрий Александрович...

— Очень приятно, Анатолий Евгеньевич, — в свою очередь представился я, несколько смущаясь, однако, не показывая этого, продолжил: — Вчера вас, Юрий Александрович, видел по теле-

визору. Вы нам, телезрителям, рассказывали о новой премьере театра...

— Я вас на нее приглашаю, — тут же ответил творец искусства. И, улыбнувшись своей мягкой улыбкой, кивая в сторону Михаила Михайловича, добавил: — Наслышан о вашем вчерашнем моноспектакле... Да, театр вас потерял, а вот ветеринарии повезло больше. Она вас нашла. Как сказал мой друг, это ваше истинное призвание.

— Так оно и было! — изрек Михаил Михайлович, перехватывая инициативу.

Затем, откровенно признавшись, что с нетерпением ожидал моего визита, сразу же пожаловался на Киску. Главное его недовольство было в том, что кошка, забыв о нем, все утро занималась только собой, непрерывно чмокая языком и тщателью наводя туалет под хвостом.

Как нетрудно было догадаться, натура Юрия Александровича Завадского оказалась далекой от тематики «материально-телесного низа». Ясно представив себе, как сейчас эта столь откровенно-натуралистическая картина начнет проявляться во всех врачебных подробностях и неумемной полноте ярких красок, мастер-эстет, раскланявшись, вручил мне свою визитную карточку, сослался на неотложные дела в театре и спешно покинул писательскую квартиру.

— Всего несколько секунд посидела у меня на постели — и скорее на пол... На приглашения забраться на одеяло никак не реагировала. Правда, никуда не уходила — все время находится рядом, а мне хотелось, чтобы она была на кровати, — посоветовал профессор.

Взяв кошку на руки и приподняв хвост, я наглядно продемонстрировал хозяину причину подобного поведения животного. Вазелиновое масло, как этого следовало ожидать, пробив брешь в твердой каловой пробке, стало произвольно вытекать из анального отверстия наружу и пачкать шерстку вокруг. Вполне естественно, с подобным явлением чистоплотное животное мириться не хотело, так как не могло допустить, чтобы по ее вине будет испачкана калом идеально чистая хозяйская постель. Узнав это, Михаил Михайлович изумленно воскликнул:

— Теперь мне все понятно. Опрятность и гадливость моей Киски оказались намного выше, чем у многих европейцев четырнадцатого-шестнадцатого веков.

— Неужели? — не поверил я.

— Этому можно привести ряд подтверждений — так, например, испражнения играли главную роль в ритуале праздника глупцов, когда на время избранный шутовской епископ, проводя торжественную службу в действующем храме, кадил

не привычным приятно пахнувшим ладаном, а высушенными человеческими испражнениями. По завершении зловонного богослужения клир взгромоздился на повозку, доверху нагруженную человеческими испражнениями, которая везла его по улочкам города. И это было еще не все. В плотную радостно ликующую толпу, сопровождающую повозку, псевдослужитель культа ловко метал испражнения. Тот, в кого попадала это дурно пахнущая субстанция, приходил в неописуемый восторг и испытывал неподдельное счастье. Столь дикий дурно пахнущий разгул длился до тех пор, пока запас кала в повозке не иссякал. А таких повозок по городу колесило много.

Бросание кала в народ было обязательным и в ритуале шаривари. И заметьте, Анатолий Евгеньевич, народу нравилось получить особенно в физиономию лепешку зловонного кала и затем на всю округу долго источать срамной дух телесного низа. Если вспомнить, как вчера Киска брезгливо отнеслась к своей собственной моче, которая не по ее вине лишь слегка испачкала чистую звериную шерстку, ни в какое сравнение с этим не идет радость людей от обливания их чужой мочой. Это с полным натурализмом изобразил Франсуа Рабле в первой книге романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Столпившихся подле него любопытных парижан Гаргантюа поливает своей мочой, а те от этого безумия, потеряв бесстыдство, только млели, весело смеялись и даже не думали расходиться, чтобы скорее смыть с себя телесную пакость.

— Можно сказать, что со времен античности и по сегодняшней день, — подхватив эстафету ученого, продолжил я, — в жизни современного человека, исключив условия поликлиники или больницы, кал и моча продолжают играть некоторую, но порой значительную роль. Правда, теперь только в качестве мести или наказания. Совсем недавно в моей ветеринарной практике был случай, когда доброго хозяйского шестимесячного котенка, который никому из жильцов многоквартирного дома не сделал ничего плохого, соседский мужчина зверски ударил ногой. Котенок от полученной травмы тяжело болел. Чуть не умер от разрыва кишечника. Мы сделали ему сложную операцию — с большим трудом вылечили. Его

Михаил Михайлович Бахтин

владельцы, проживающие в квартире как раз над парадным подъездом, выбрав момент, когда злодей, выходя из дома в элегантном костюме и при галстукке, остановился на крыльце, чтобы закурить папиросу, вылили на него целое ведро кала, перемешанного с мочой, который они всей своей большой семьей собирали в течение нескольких дней. Принародно «опущенный» ненавистник животных и садист вынужден был срочно переехать по обмену в другой район города, где об этом случае никто не знал.

— Все правильно, Анатолий Евгеньевич. Благодарное семейство своим действием устроило этому отвратному типу принародное и заслуженное «снижение». Если помните, в упомянутой вами работе, кстати, она называется «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», я изложил, что забрызгивание экскретом телесного низа — калом и мочой — это древний и эффектный «снижающий жест». Что интересно, в настоящее время термин «снижение», как я вижу, превратился в «опускание», в общем-то, не изменив своей глубокой сути. И это вполне нормальное явление: наш язык, как живой организм, постоянно находится в развитии. При этом следует отметить, что владельцы спасенного вами котенка, видимо, хорошо знали древнюю историю и обычаи мщения...

Кроме того, мне думается, что владельцы бедняги-котенка могли бы не просто облить этого нелюдя своими нечистотами, а метнуть в него всю доверху наполненную емкость, то есть ведро. Удержало их от этого, по-видимому, последующее вмешательство милиции и так далее... В средние века на это власти не реагировали. К примеру, в античной сатирической драме Эсхила «Собиратель костей» мы наблюдаем, как в голову Одиссея

брошена «зловонная посуда», которая в наше время носит название «ночной горшок». Для полноты сведений, дорогой доктор, скажу вам, что если внимательно взглянуть на античную вазу с изображением фигуры комического Геракла, лежащего пьяным у дверей гетеры, то нашему взору откроется забавная картина: старая сводня выливает на него зловонное содержимое своего ночного горшка. Можно себе представить, какой аромат будет источать Геракл...

— А это мы сейчас увидим, точнее, почувствуем, — смеясь, ответил я и добавил: — Только не запах содержимого ночного горшка старушонки-сводницы, а звериный дух кошачьего нутра — телесного низа нашей Киски.

— Каким образом? — полюбопытствовал Михаил Михайлович.

— Киске поставлю очистительную клизму. Вазелиновое масло, как мы видим, сделав свое дело, пошло на выход — самое время помочь кишечнику избавиться от частиц твердого кала...

— Дверь ванной комнаты только не закрывайте, — попросил нас Михаил Михайлович, когда я с Киской на руках в сопровождении Леонтины Сергеевны направился в сторону санузла.

Процедура оказалась даже очень эффективной. Со струей зловонной воды из нутра кошки вылетело не менее двух десятков твердых «орешков». Пропальпировав кошачий живот и убедившись, что сегодня удалось ликвидировать лишь половину «завала», было решено, что освободить кишечник от оставшейся его части будем завтра. Злоупотреблять доверием Киски мне совсем не хотелось. Да и вряд ли она позволила бы еще раз провести с ней подобную неприятную для нее экзекуцию. Мне было хорошо известно, что на попытку подряд поставить вторую клизму даже добрейшие ласковые кошки, давно знавшие и любившие меня, обычно отвечали неконтролируемой рьяной агрессией.

Согласившись с моим доводом, Михаил Михайлович философски заметил:

— Задержка мочи, запор и прочие недуги, связанные с материально-телесным низом, на первый взгляд, в том числе и у Рабле, — сплошной гротеск, а на самом деле — запутанность, замысловатость и хитроумность. И это требует от ветеринарного врача, как в нашем случае, быстрого безошибочного решения и правильного психологического подхода. Киска наглядный пример этому. Смотрите! Она никуда не убежала и не спряталась в потаенном уголке квартиры. Спокойно сидит напротив нас и наводит на шерстке чистоту...

Новелла, да и только. А сколько их у вас, доктор, скопилось за практику? Ответчу сам — достаточно много. Писать вам надо, доктор, писать... Публикация различных случаев, которые происходят с вашими четвероногими пациентами, — чрезвычайно интересная и поучительная литература. Любители домашних животных, да и многие коллеги будут благодарны вам...

— Михаил Михайлович! Как же писать? — воскликнул я с тревогой в голосе от столь неожиданного предложения специалиста по литературе такого крупного мирового масштаба. — Я ведь окончил не филологический факультет МГУ имени Ломоносова или Литературный институт... Мне страшно даже подумать про писательство, мне кажется, это трудное дело...

На подобное заявление мой собеседник отреагировал стремительной реакцией, словно не семидесятидевятилетний лежащий больной, а бодрый и молодежавый командир-наставник. Его правильные слова звучали поучительно и достаточно убедительно:

— Анатолий Евгеньевич! В жизни не надо бояться трудностей, страшного и чего-то ужасного. Мир открыт своими возможностями... У вас, доктор, все впереди. Все получится — только начните писать. А литературные редакторы текст поправят... Они в этом деле доки. Когда вы вчера расспрашивали про заболевшую Киску, по-вашему, собирали анамнез, я заметил, как в библиографическую карточку вы заносили некоторые сведения о ее недуге. Вот и начало новеллы...

Третий день посещения дома Бахтина оказался для меня наиболее волнительным. Не потому, что Киска чувствовала себя плохо. Кошка как раз была героем дня. Со слов Михаила Михайловича, среди ночи он проснулся от внезапной резкой боли за грудиной. Вначале терпел, не хотелось тревожить больное животное. Но боль не проходила. Затем она стала сильно сжимать грудную клетку, мешая полноценно дышать, и неприятно отдавать в левую лопатку. Когда ему стало ясно, что приступ стенокардии разыгрался не на шутку и самостоятельно не пройдет, он, оставшись без выбора, тихо позвал Киску, которая не спала, а просто лежала в кресле, стоявшем рядом с его кроватью, и не сводила внимательных глаз со своего хозяина.

Кошка-целительница, как показалось Михаилу Михайловичу, только и ждала от него приглашения. Она мгновенно прыгнула к хозяину на постель, после чего аккуратно перебралась к нему на грудь. Немного помесив крепкими передними

лапками область грудины, Киска с необыкновенной точностью распласталась над сердцем.

По идее, Михаил Михайлович должен был сразу почувствовать тяжесть ее тела. Но нет — оно казалось воздушным и совершенно невесомым. Пушинка, да и только. Громкое мурлыканье на этот раз было тоже необыкновенным. Вскоре эти глубинные душевные звуки, исходящие из самого нутра кошки, заполнили грудную клетку больного от диафрагмы до самой шеи, этим самым вызвав полную анестезию сердца, одновременно облегчая процесс дыхания и кровоснабжения головного мозга.

— Киска пролежала на мне весь остаток ночи и часть утра. Боль отступила, как будто ее и не было. В моем теле оставалась только слабость. Незаметно для себя я задремал. Проснулся от того, что Киска вдруг издала «мяу» так жалобно, как будто ее укололи острой иглой. Может, к ней перешла моя боль и ей стало хуже, чем мне, — поделился своими переживаниями Михаил Михайлович.

— Нет, нет, хуже Киске не стало, — отвечал я, исследуя ее живот. Просто наиболее крупный и твердый каловый конгломерат, застрявший в кишечнике от ее же собственного мурлыканья, вдруг резко передвинулся к выходу. Десять минут легкого массажа — и он непременно выйдет «по вазелиновому маслу» естественным путем. Правда, Киска еще раз громко мяукнет, но зато окончательно и сразу поправится, — успокоил я владельца кошки.

На что Михаил Михайлович, не отрывая голову от подушки, произнес:

— Мне без моего Валидола жить никак нельзя. Когда приступ стенокардии разыгрался, я, грешным делом, уж подумал, что утром обнаружат меня друзья в раблезианском образе — мертвенно бледным, холодным и непременно с разинутым ртом. И ничего удивительного в этой картине не будет. Все это вполне естественно. Я же писал в работе: роды и смерть — разверзающийся зев земли и материнской утробы. В дальнейшем на сцену выступает разинутый рот людей и животных. Вспомните, дорогой доктор, момент рождения Пантагрюэля... Стояла страшная засуха. Животные валялись на полях мертвые, с разинутыми ртами...

— Так оно в действительности и бывает. Мы, ветеринарные врачи, всегда отмечаем у животного, скончавшегося в муках, открытый рот и оскал от страдания, — невольно поддержал я грустную тему, поднятую моим собеседником, который, как было понятно, пребывал в несколько подав-

ленным настроении. Тематику разговора нужно было срочно поменять.

Проводя кошке массаж живота, мои пальцы почувствовали немного напряженные и слегка увеличенные соски.

— На днях у тебя, Киска, начнется половая охота. Твое тело поглотит неконтролируемое горячее стремление встретиться с котом для спаривания. Но рожать тебе уже поздновато, — объявил я Киске.

Затем, обратившись к Михаилу Михайловичу, поинтересовался у него, согласен ли он со мной. Хозяин кошки тут же задал мне встречный вопрос, как бы поступил я, если бы Киска являлась моей собственной.

Пока кошка сидела на лотке, жалобно мяукая и освобождая кишечник от остатка тугих каловых масс, я безапелляционно приговаривал ее к аскетическому образу жизни, лишая надежды на любовную встречу с самцами-производителями, последующую беременность и рождение котят.

— Но как же так, доктор? Вы, как мне видится, равнодушны к Рабле. А в его творчестве, как известно вам, основное место занимают телесный низ, зона производительных органов — совокупление, оплодотворяющий и рождающий низ. А с ним — обновление, благополучие и чудо нового рождения, — попытался Михаил Михайлович склонить меня дать согласие на кошачье замужество.

— Насчет «чуда рождения котят» согласен. О прелестных созданиях — маленьких новорожденных котятках — спорить не буду, а вот в отношении «полного благополучия разрешения родов» у меня большие сомнения. Восемь кошачьих лет могут таить в себе много акушерских неизвестностей, в том числе возможную операцию кесарево сечение, — были мои последние аргументы в обмене мнениями с хозяином животного. При этом мне показалось, что обрисованную мною мрачную картину совершенно ненужного замужества Киски с вероятно возможными нежелательными последствиями в столь позднем для нее возрасте Бахтин воспринял просто для сведения, и не более...

После непродолжительной паузы, взятой для передышки или обдумывания чего-то, Михаил Михайлович открыл глаза и, глядя на меня изучающим взглядом, поинтересовался, не знакома ли мне его статья «Фрейдизм». И тут же сам ответил:

— Конечно же, незнакома. Под моим именем она вообще никому неизвестна. Я же ее подписал не своей фамилией... Но, думаю, работы Фрейда по психоанализу вас, доктор, не обошли стороной...

— Да, Михаил Михайлович, в студенческие годы я их читал. Но для нас, ветеринаров, точнее, лично для меня и моей практики, они имеют чисто познавательное значение. Если так можно выразиться, для расширения кругозора. Большую пользу мне приносят труды русских и зарубежных ученых-биологов, которые тесно увязывают между собой два основных научных направления, проливающих свет на поведение животных, — этологию и сравнительную психологию. Конечно же, в жесткой сцепке с половыми гормонами. Как, например, в конкретном случае с нашей Киской — эстрогенами и прогестагенами, выброс в кровь которых контролируется гормонами гипофиза.

Моим ответом строгий гуру был удовлетворен. Это подтверждалось появившимся блеском в его умных и пронизательных глазах и заметной активизацией движений.

— Согласитесь, доктор, что даже человеку удается наблюдать всего лишь внешние, так называемые объективные проявления психической жизни у животных, людей и у самого себя. Но на самом деле в организме проходят еще и внутренние — субъективные, строго определенно протекающие «материальные» процессы, которые нельзя пощупать, увидеть или услышать...

— Полностью согласен! Однако эти субъективно протекающие процессы все-таки могут выплескиваться наружу, но уже в виде утонченных эмоциональных проявлений, как у Homo Sapiens, — без раздумий ответил я. В моей практике встречались уникальные случаи, когда, например, собака — самка породы боксер — спаривалась только с хорошо знакомым ей ласковым, обходительным и желанным самцом совершенно другой породы — колли. По всей вероятности, подобное поведение было обусловлено какими-то невидимыми и неосязаемыми — субъективными — процессами, я бы сказал, умными мыслями, порожденными нейрогуморальными связями, происходящими в ее таинственной женской головке. Но, к моему глубокому сожалению, она мне об этом так ничего не сообщила...

— Вот, вот, доктор, вы изрекаете истину. Это и есть не что иное, как внешнее проявление «материально-телесного языка» живого организма — крик души его психической жизни. А если сообщение, посланное животным во внешнюю среду о своем желании совокупиться, нам стало известно, вправе ли мы, люди, изображая обратное, лишать его удовлетворения возникшей потребности в

coitus¹ — одним из важнейших элементов цепи основных событий общеживотной жизни на земле: рождение, coitus, смерть?

В умело расставленный Михаилом Михайловичем капкан я решил не попадать. Тем более мне представилась возможность сделать вид, что его ловушку я не заметил — в комнату валяжной походкой вошла Киска. Полностью опорожнившись, она, как ни в чем не бывало, легко запрыгнула на кровать к любимому хозяину. На этот раз ее живот был мягок и безболезнен. Кошка громко мурила и, вообще, чувствовала себя великолепно.

Михаил Михайлович, так и не получивший от меня ответа на свой каверзный вопрос, стал рассказывать о красавце-коте из соседней квартиры известной писательницы, которого она периодически выпускает погулять на лестничную площадку — так называемое место кошачьих свиданий. По его утверждению, этот котик Киске давно не безразличен. Они часами могли играть или изучать друг у друга только им одним понятные феромоновые ароматы материально-телесного низа.

Та нежность и трогательность, с которой Михаил Михайлович ласкал свою спасительницу и любимицу, рассказывая мне о ее потенциальном женихе, все больше и больше выдавали истинный настрой хозяина. Со стопроцентной уверенностью я мог уже утверждать, что как только Киска войдет в состояние половой охоты и запросит кота, Михаил Михайлович удерживать ее не станет...

ЭПИЛОГ

Когда скорая медицинская помощь по срочному вызову прибыла на Красноармейскую улицу, двадцать один, то у писательского дома ее уже встречали. Поднявшись в квартиру, врачи констатировали «смерть до приезда скорой». Со слов докторов-кардиологов, им не хватило всего нескольких минут, чтобы осуществить реанимационные мероприятия по спасению больного.

— Если бы у него под рукой оказался валидол и он принял бы его, как это делают все сердечники при возникновении острых болей в сердце, то дождался бы нас, — с сожалением и тоской в голосе произнес один из врачей.

— Его вчера с нашей лестничной площадки украли живодеры, — тихо ответил кто-то из друзей Бахтина...

¹ Coitus (лат.) — половой акт.